

МОСКВА
СЈЕЗАМ
НЕ ВЕРИТ

ГЛАВА 1

Списки поступивших в химико-технологический институт были вывешены в фойе перед актовым залом. Возле них толпились абитуриенты. От стендов со списками многие отходили энергично-решительно — они уже студенты, значит, жизнь на пять лет вперед определена.

Катерина протиснулась, нашла фамилии на «Т», мгновенно вобрала их взглядом. Были Тихонов, Тишков, Тахадзе, Тимурзалиев, Тагизаде, Татарцева. Она еще раз медленно прошла по списку, читая каждую фамилию от начала до конца, могли ведь поставить не точно по алфавиту. Дважды прочитав весь список, отошла. Фамилии «Тихомирова» не было. Можно возвращаться в общежитие. Катерина проваливалась уже второй раз. Теперь оставалось позвонить и сообщить о случившемся. Она прошла мимо нескольких телефонов-автоматов, оттягивая неприятный разговор, потом остановилась, решила и набрала номер.

— Академик Тихомиров, — ответили ей громко и быстро.

Академик сразу задавал тон: излагайте конкретно, по существу и коротко.

— Я провалилась, — сообщила Катерина.

— Какой проходной балл? — спросил Тихомиров.

— Двадцать два.

— Сколько набрала ты?

— Двадцать один.

— Приезжай, — почти приказал Тихомиров.

— Я буду поступать в следующем году, — начала было Катерина.

— Приезжай, — повторил Тихомиров и повесил трубку.

Академик Тихомиров был ее родственником. Отец Катерины доводился ему племянником.

В прошлом году, уезжая в Москву поступать в институт, Катерина запретила отцу писать об этом академику. Училась она

хорошо, лучше почти всех в классе, во всяком случае девчонок, и представляла, как уже студенткой подойдет к Тихомирову в институте и скажет:

— Я — Катя Тихомирова, дочь Александра Ивановича Тихомирова из Красногородска.

Академиком в Красногородске гордились. В городском музее стоял стенд с его портретом, двумя его книгами, тремя брошюрами и краткой биографической справкой. Более знаменитым из красногородских был только генерал Стругалев, который погиб в битве за Берлин. Именем Стругалева называли улицу и крахмало-паточный завод. В музее под стеклом лежала фуражка Стругалева, его ордена и пистолет «ТТ».

Тихомиров в Красногородск не приезжал уже больше двадцати лет, а родственники из провинции к нему заезжали, оставались ночевать. Но это было раньше, при первой жене Тихомирова и на старой квартире. Потом он развелся с женой (тоже родом из Красногородска), женился на москвичке, стал академиком, получил квартиру в высотном доме, и родственники перестали у него бывать. Новая жена завела новый порядок. Чтобы переночевать у академика, надо было заранее, не менее чем за месяц, написать письмо, предупредить о приезде и получить ответ, что вас ждут. Некоторые пытались игнорировать эти правила, без предупреждения прямо с вокзала ехали в высотный дом. Их поили чаем, расспрашивали о родственниках, но ночевать не оставляли.

Катерина позвонила Тихомировым только через полгода после того, как в первый раз провалилась на вступительных экзаменах. Она уже жила в общежитии, работала штамповщицей на фабрике металлической галантереи, о чем и сообщила академику. Он и в тот раз, как сегодня, коротко приказал:

— Приезжай!

Тогда она вошла впервые в московскую квартиру, которая для нее стала и мечтой, и образцом. В трех комнатах стояла мебель, которую она видела только в иностранных фильмах. Потом, не сразу конечно, в одном из разговоров с женой Тихомирова Изабеллой она узнала, что мебель и была иностранной. Тихомиров привозил ее из Львова, из Риги: немецкие серванты, настоящие венские стулья. Кожаные кресла он купил в Самборе, на Западной Украине, после войны, когда все еще жили голодно, мебель продавали дешево. Во время войны — а Тихомиров был сапе-

ром — он побывал в Германии, жил в домах, в которых добротная мебель стояла веками, и сказал себе однажды: и у меня будет такая. Он всегда ставил перед собой конкретные цели и добивался их. Как только появились деньги, стал покупать мебель — не антикварную, но добротную, конца прошлого века или начала нынешнего, которой в России сохранилось немного. Ее сожгли в помещичьих усадьбах в первые годы революции, растащили по коммунальным квартирам и не хотели продавать ни за какие деньги: мебели в стране делали мало, в основном для контор, казарм, общежитий.

Катерине все это еще предстоит узнать, когда она начнет обставлять мебелью собственную квартиру. Правда, к тому времени все станет проще. Появятся готовые гарнитуры: «гостиная», «спальня», «кухня». Их бросятся покупать, и во многих квартирах будут стоять стандартные стенки, стандартные кресла, ножки от которых выпадали уже через год. Функционально задуманные диван-кроватьи раскладывались с трудом, основательность и прочность исчезали из жизни. У Тихомирова и через двадцать лет стояла прежняя мебель, и она не выходила из моды, а новая — с ее геометрическими резкими пропорциями — устаревала, ломалась, и при жизни человек менял ее несколько раз. А ведь мебель, как и дома, должны служить, и когда-то служили, нескольким поколениям. Получая в наследство комод или шкаф, человек знал, что ему не надо будет беспокоиться о новом комоде или шкафе всю оставшуюся жизнь. И мебель даже перейдет к его детям и внукам.

Катерина вошла в громадный холл, поздоровалась с вахтершей.

Прошла к лифту, не останавливаясь, как это делал Тихомиров, и вахтерша ответила ей уже вслед: «Добрый день» — и не спросила, к кому она идет. Вряд ли ее запомнили — у Тихомировых она бывала редко, — подействовала, вероятно, уверенность, с какой здороваются только жильцы. Да и одеждой Катерина не отличалась от девушек из этого дома: модная юбка-«колокол», белая кофточка, туфли на каблуках, не высоких и не низких, удобных для ходьбы по улицам. Она присматривалась к обуви московских женщин: они не экономили на туфлях, покупали в основном чешские или румынские, которые в последние годы появились в московских магазинах и отличались от грубоватых советских.

Дверь открыла Изабелла, подбадривающе улыбнулась — за этот год у них установились доверительные отношения. У Тихомирова не было детей, и Изабелле после сорока вдруг захотелось воспитывать и передавать другим свой опыт. Выяснив, что Катерина не болтлива, она многое рассказывала ей о московской жизни, правда, никогда не говорила о себе. Она всегда ссылалась на опыт подруг и обычно начинала: «Был такой случай с одной моей подругой...»

— Обедать будешь? — предложила Изабелла.

— Спасибо. Если только чайку.

Изабелла принесла чай в кабинет Тихомирова. Академик сел во вращающееся кресло за столом, Катерина на диванчик, Изабелла устроилась в кресле.

— Я звонил в деканат, — сообщил Тихомиров. — Сейчас уже ничего сделать невозможно.

— Я знаю, — подтвердила Катерина. — Буду поступать на следующий год.

Тихомировы переглянулись.

— А почему именно химия? — поинтересовался Тихомиров.

— Мне нравится химия, — ответила Катерина.

— А почему не сельскохозяйственный, не педагогический, не медицинский, строительный, полиграфический? Есть еще как минимум три тысячи замечательных профессий. Ты хочешь заниматься химией как наукой?

— Я еще не знаю, — призналась Катерина.

— Или ты хочешь стать химиком-технологом? Ты была хоть раз на химзаводе или комбинате?

— Не была.

— Я тебе устрою экскурсию, — пообещал Тихомиров. — И это, может быть, раз и навсегда отобьет у тебя охоту заниматься химией.

— Может быть, на филологический? — предложила Изабелла. — У меня там есть знакомые. Можно нанять репетиторов, и за год тебя натаскают.

— Мне это неинтересно. Я люблю физику, химию, математику, — ответила Катерина.

— Поразительно, — искренне удивилась Изабелла. — Я в этом ничего не понимаю. Никогда не понимала. С пятого класса списывала у наших мальчишек и домашние задания, и контрольные.

— Я всегда решала сама, — сказала Катерина. — Но вы ведь стали химиком, и вам это нравится? — Катерина смотрела на академика, не очень понимая, к чему этот разговор.

— У меня так получилось. — Тихомиров помолчал, размышляя, наверное, стоит ли быть откровенным. — Я мог стать кем угодно: метростроевцем, инженером, офицером, летчиком. Но я попал на строительство химкомбината, закончил вечернюю школу, стал рабфаковцем. Химкомбинат дал мне направление в химико-технологический институт. С таким же успехом я мог попасть в военное училище, в строительный институт. Я только в институте понял, что такое химия. Тогда особенно не задумывались над тем, что, выбирая профессию, выбираешь себе жизнь. Хотелось только выучиться чему-нибудь.

— А я знаю, почему Катерина хочет быть химиком, — включилась Изабелла.

Она подошла к схеме. На стене кабинета висел большой лист картона с родословной Тихомировых, которая начиналась с 1790 года. Вначале, правда, шли Кирилловы, Александровы, Ивановы. В русских деревнях не было постоянных фамилий. Сын Кирилла становился Кирилловым, а дети его сына Александра уже Александровыми. Первый Тихомиров был зафиксирован в родословной в 1870 году как мещанин Красногородска. От него шли ответвления. На дочерях линия Тихомировых заканчивалась вместе с переменной фамилии. Академик отслеживал только родственников с фамилией Тихомиров. Среди них были военные, но не выше подполковника, строители, зоотехники, учителя — обычный набор профессий, которые выбирают сельские школьники. В Москве среди Тихомировых были начальник главка, водитель автобуса, начальник районного отделения милиции; был кружок, куда академик вписал и Катерину, обозначив только год рождения, ожидая, вероятно, когда Катерина определится с профессией.

— И почему же химиком? — обратился академик к Изабелле.

— А ты будто не догадываешься? — улыбнулась Изабелла. — Кто самый знаменитый из Тихомировых? Ты. А кто ты? Химик. И девочка решила, что она пойдет по уже проверенной дорожке. И связи будут, и подтолкнуть могут, особенно вначале, и от ошибок предостерегут. Это нормально. Если бы этого не было, надо было бы организовывать самому. Лучшее продолжение дела —

семейное продолжение. Мне кажется, ты мало что сделал, чтобы ей помочь.

— Она была на контроле, — возразил Тихомиров, — но ты права. Можно было сделать и больше. Она второй раз не добирает баллов по литературе и языку. Надо, значит, брать репетиторов.

— Я сама подготовлюсь, — заверила Тихомировых Катерина.

— Если бы можно было готовиться самим, то не было бы репетиторов, а они существуют уже несколько столетий. Зачем пренебрегать опытом человечества? Ты это возьмешь на себя? — спросил Тихомиров Изабеллу.

Та кивнула.

— Все. Я завтра выступаю оппонентом на защите докторской диссертации. Мне надо подготовиться. Остальные вопросы в следующий раз. — Тихомиров придвинул к себе толстую папку с рукописью.

Катерина с Изабеллой ушли на кухню. Изабелла заварила кофе, достала бутылку ликера, плеснула себе и девушке в рюмки. Катерина попыталась отказать.

— Тебе это сейчас надо, — посоветовала Изабелла. — Успокаивает и приводит мысли в соответствие с ситуацией.

Они пили кофе с ликером. Катерине и впрямь стало легче и веселее. Изабелла закурила сигарету, предложила Катерине. Катерина уже пробовала несколько раз курить, но у нее не получалось, першило в горле. Она взяла необычно длинную сигарету с фильтром. Изабелла щелкнула зажигалкой. Катерина затаилась и не закашлялась. Голова приятно закружилась.

— Первый раз куришь?

— Первый, — призналась Катерина.

— Будем считать, что в последний. Никотин меняет цвет лица. К тому же многие мужчины считают, что целовать курящую женщину — все равно что пепельницу. — Изабелла отобрала у Катерины сигарету. — У тебя есть парень?

— Нет, — ответила Катерина, но поправилась: — Нет постоянного, ухаживают многие, ну, не многие, но два-три парня есть. Наверное, я им нравлюсь.

— Наверное, — согласилась Изабелла, — но знаешь, какую самую большую глупость ты можешь совершить?

— Какую?

— Выйти замуж за одного из этих троих, которым ты нравишься.

— Я не собираюсь замуж, — заверила Катерина Изабеллу. — Я вначале хочу поступить в институт, закончить его.

— Если хочешь выбраться из той жизни, какой ты живешь, можно все, кроме замужества. Выйдешь замуж, пойдут дети, и уже никакого института тебе не видать. А те ребята, которые за тобой ухаживают, они кто? Маляры? Штукатуры? Каменщики?

— Один — сантехник, один — шофер.

— Одной тебе мы еще сможем помочь, — заметила Изабелла, — но тянуть еще и сантехника, и двоих детей, которых ты ему родишь, — сантехники всегда хотят как минимум двоих. Если родишь девочку, то обязательно нужен еще и мальчик, наследник, так сказать. Хотя что наследовать-то? Комнату в общежитии и две пары ботинок — одни на работу, другие на выход по воскресеньям! — Изабелла долила в рюмки ликеру себе и Катерине. — А ты с кем спишь — с сантехником или с шофером?

Катерина не сразу поняла вопрос, а поняв, почувствовала, что краснеет, и поспешно ответила:

— Ни с кем.

— Это довольно приятное занятие — спать с мужиками. Не со всеми, правда. Но если будет уж очень невтерпеж и не устоишь, предохраняйся. Я тебе дам таблетки.

— Спасибо. Не надо, — заверила ее Катерина.

— Надо, — твердо сказала Изабелла.

— Я пойду. — Катерина поднялась.

— Осенью начнешь заниматься с репетитором по языку и литературе, — заявила, как об уже решенном, Изабелла. — Я заплачу. У меня к тебе просьба. Мы едем на юг в санаторий. Ты сможешь пожить у нас в квартире, пока мы будем в Ялте? Надо поливать цветы и выгуливать Чапу два раза в день: утром и вечером. У нас вечная проблема с собакой. Академик вырос среди собак, свиней и коз.

— Конечно, я поживу, — заверила ее Катерина. — Можете не беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь, — улыбнулась Изабелла.

В прихожей она взяла с полочки под зеркалом свою сумочку, достала яркий пакетик и протянула Катерине.

— Что это? — спросила Катерина.

— Противозачаточные.

— Мне не надо. Не надо!

— Возьми, — потребовала Изабелла. — За пятнадцать минут до начала акта. И не в рот, а, — Изабелла распахнула полы халата и ткнула в низ живота, — сюда. Вначале немного пощиплет. Не обращай внимания.

— Но я не планирую никакого акта до свадьбы. А она пока не предвидится.

— Ну как знаешь, — усмехнулась Изабелла. — Но я бы на твоём месте не зарекалась.

Катерина вышла из высотного дома и заспешила в метро. Она уже переняла привычку москвичей экономить время на транспорте, но вдруг осознала, что спешить особенно некуда. Раньше после работы она бежала в библиотеку, через три-четыре часа неслась из библиотеки в общежитие, ужинала кефиром с булочкой и ложилась спать. Рабочий день на фабрике начинался в восемь утра, сорок минут уходило на дорогу, столько же нужно было, чтобы одеться и позавтракать. Катерина вставала в шесть. Она старалась лечь пораньше, потому что если спала меньше восьми часов, то после работы на фабрике ей хотелось прилечь и поспать хотя бы час, а это означало, что она не попадала в библиотеку. Теперь все закончилось, во всяком случае на время, пока Изабелла не найдет репетиторов.

Катерина не заметила, как вошла в привычный свой ритм, она уже неслась к метро, лавируя среди прохожих, которые никуда не торопились в этот тёплый летний вечер. Остановись, приказала она себе. И не вошла в метро, а присела на скамейку, чтобы обдумать случившееся. Раньше все было просто. Надо было закончить школу и поступить в институт — это главное. Но ведь даже если она поступит в институт — это только оттяжка на четыре года. А где жить потом? Молодые специалисты, закончившие институт, получали в общежитии привилегию — отдельную комнату. Но потом они женились, рождались дети, и в одной комнате жили втроем и вчетвером по десять лет, пока не получали постоянную московскую прописку. Тогда их ставили на очередь. В отдельные квартиры переселялись ближе к пятидесяти, когда у сыновей и дочерей появлялись свои дети, и отдельная квартира, о которой мечтали всю жизнь, превращалась снова в общежитие.

Посидев на скамейке в невеселых этих размышлениях, Катерина вошла наконец в метро. В вагоне напротив сидели двое парней лет по семнадцать. Они явно рассматривали ее. Катерина

машинально одернула юбку, парни усмехнулись, — наверное, им понравилось, что их воспринимают как взрослых. Московские — определила она. Белые накрахмаленные рубашки, узконосые модные ботинки, хорошо отглаженные узкие брюки. Отцы давали деньги на одежду, матери за ней следили. Москвичи отличались от ребят из общежития, которые сами стирали, и их рубашки никогда не становились такими белыми. Катерина машинально посмотрела на часы. Если вовремя подойдет автобус, от станции «Сокол» до общежития она доберется минут за сорок. День заканчивался, но впереди был еще длинный незаполненный вечер.

Людмила лежала, закинув ноги на спинку железной кровати. Ноги у нее были стройные, хорошо тренированные, чуть полноватые в икрах. Когда по многу часов стоишь на стройке с мастерком или у конвейера, икры увеличиваются, как у тяжелоатлетов. А ей пришлось постоять и на стройке, и на конвейере. Через несколько лет на ногах уже проступят вены, потом узлы сосудов — из-за них пожилые сотрудницы даже в жару ходили в плотных чулках. Людмила подтянула полы халата и осмотрела бедра. Тоже начинают полнеть. Надо худеть, подумала она с тоской. Теперь она работала на хлебозаводе, а там в столовую работницы обычно не ходили, обедали сдобными булками и молоком. Людмила следила за фигурой, каждый день вставала на весы. Она боялась превратиться в тетеху с покатыми, как у молотобойца, плечами, с животом, за складками жира которого нарастала мускулатура, и от этого живот становился огромным. Мужчины скрывали свои животы пиджаками, куртками, а женщины надевали легкие платья и не стеснялись своего разбухшего тела, потому что вокруг ходили такие же — не лучше и не хуже. Людмила приехала в Москву четыре года назад. Она закончила ФЗО — школу фабрично-заводского обучения, проучилась шесть месяцев и стала маляром-штукатуром. Но работу эту выдержала только одну зиму. Она с детства терпеть не могла холода, а в шлакоблочных коробках новых домов было еще холоднее, чем на улице. Следующей зимой она уже работала на конвейере автозавода. Тяжелая, тупая, изнуряющая работа, но зато в тепле. Заканчивать среднюю школу и институт — на что потребовалось бы минимум восемь лет — в ее планы не входило. Она хотела выйти замуж, но не просто замуж — у нее были вполне конкретные требования к будущему

спутнику жизни. Во-первых, он должен быть москвичом, и не потому, что московские парни отличались от иногородних. Москвичи, конечно, побойчее, поразворотливее, но главное — москвичи имели постоянную прописку. Со своей временной лимитной она могла работать только на стройках, на конвейерах, в литейных цехах, на тех самых тяжелых работах, на которые не шли москвичи. И поэтому в Москву допускали до ста тысяч молодых людей и девушек по лимиту. Они селились в общежитиях, обычно в комнатах на троих, как сейчас жила Людмила. А это — три кровати, три тумбочки, платяной шкаф, три стула и стол. Все казенное с инвентарными номерами. Выход отсюда был только один: замуж за москвича. За Людмилой ухаживали хорошие парни — спокойные, работающие, непьющие, но как только она узнавала, что они такие же лимитчики, тут же прекращала знакомство.

В каждом женском общежитии существовали мифы об удачных замужествах. Рассказывали, например, что одна из девчонок познакомилась на танцверанде в Сокольниках со студентом института международных отношений, вышла замуж и уехала с ним в Америку. Людмила тоже ездила на танцверанду в Сокольники, но ей студенты института международных отношений почему-то не попадались. На танцы ходили студенты строительных институтов, такие же иногородние, как и она. Они тоже мечтали познакомиться с москвичками, чтобы после окончания института остаться в Москве.

Были еще курсанты военных училищ, похожие на парней со стройки, только в военной форме. Конечно, можно было выйти замуж за курсанта. Те, у кого на рукаве мундира четыре полосы — что значило четыре года обучения, — были особенно активными. Учеба заканчивалась, предстояло распределение в дальние гарнизоны, и парни торопились: кому охота ехать в тайгу или пустыню без женщины? За Людмилой ухаживал один из училища погранвойск. Но она, взвесив все, отказалась от его предложения. Лейтенанты начинали службу на заставах, в горах или в тайге. В лучшем случае через несколько лет они могли перебраться в районный городок, но из такого же Людмила уехала в Москву, чтобы никогда туда не возвращаться. Будущий пограничник ей нравился, но, приняв решение, она перестала ездить на танцы в Сокольники, а адрес общежития никогда никому не давала. Людмила

вообще предпочитала поменьше рассказывать о себе, потому что москвичи настороженно относились к лимиту. Она уже обжигалась на своей доверчивости. На стройке работал молодой прораб. Она бы и не обратила на него внимания, если бы не узнала, что он коренной москвич и живет с родителями в отдельной двухкомнатной квартире. Прораб познакомил ее с родителями и объявил им, что женится. Родители не возражали, но прописать ее отказались. «Поживите, снимайте комнату, присмотритесь друг к другу, — сказала будущая свекровь. — А мы присмотримся к тебе». Не поверили, что она, такая красивая, влюбилась в их низкорослого сына, к тому же прихрамывающего — он в детстве сломал ногу, нога неправильно срослась, из-за этого его даже не взяли в армию. Чтобы она стала его женой, прораб согласился снимать комнату, по вечерам ремонтировать частные квартиры, зарабатывать на первый взнос в кооператив. Он наметил целую программу, как выбиться из этой жизни. За пять лет он собирался внести первый взнос на квартиру, в следующие пять — купить телевизор, холодильник, необходимую мебель. Выходило, что десять лет надо было вкалывать не разгибаясь, подрабатывать вечерами и еще десять лет выплачивать за квартиру. А она хотела получить все сразу.

Сегодня у Людмилы не было постоянного, верного и влюбленного в нее парня. Впрочем, слова «парень» Людмила не любила. «Парень» — это что-то деревенское. Лучше «мужчина», «поклонник», может, даже «любовник», как в книгах и кино. Чтобы он приезжал за ней на машине, водил в рестораны и снимал для нее квартиру — пусть небольшую, однокомнатную. Такие мужчины были где-то рядом, но ей не попадались. Они не ходили на танцы, ездили на своих машинах, а не в метро. За четыре года в Москве она так и не смогла вырваться из круга тех, кто работал на стройках, стоял у конвейеров, водил по улицам Москвы автобусы, грузил контейнеры на вокзалах. Среди ее знакомых было несколько москвичей, но никто из них не знал, что Людмила лимитчица, живет в общежитии и работает на хлебозаводе формовщицей. Она представлялась студенткой или медсестрой — несколько месяцев она проработала санитаркой в психиатрической больнице и получила кое-какие медицинские познания. Только в исключительных случаях давала знакомым телефон общежития, только тем, кто был особенно настойчив и к тому же нравился ей.

Людмила посмотрела на часы. Через пятнадцать минут должен позвонить Вадик. Но он мог позвонить и через полчаса. Значит, минут сорок ей придется ждать на вахте. От этого настроение у нее испортилось еще больше. К тому же раздражала Антонина, которая, напевая, гладила платье, ожидая своего Николая.

Людмила, Антонина и Катерина приехали в Москву из маленького районного городка Красногородска Псковской области. Из Красногородска чаще уезжали в Ленинград, все-таки поближе, чем Москва. В Ленинград ездили продавать мясо, когда осенью забивали свинью, в Ленинград ездили за покупками. Но еще в тридцатые годы первые красногородские пробрались в Москву на строительство шарикоподшипникового завода. И после них уже каждый год кто-нибудь уезжал в Москву к дальним родственникам или бывшим соседям. И те пристраивали вновь прибывших на стройки и заводы.

Людмила, Катерина и Антонина учились в одной школе, в одном классе. Первой после седьмого класса в Москву уехала Людмила. Она писала такие замечательные письма о магазинах, театрах, метро, высотных зданиях, что вслед за ней через год в Москву уехала Антонина, повторив путь Людмилы. Та же самая школа ФЗО, и Антонина уже штукатур-маляр на стройке. Сильная, ловкая, она сразу стала хорошо зарабатывать. Ее уважали, а тяжелая работа для нее была не в новинку: в Красногородске, как старшая дочь в семье, она занималась уборкой дома, возилась в огороде, летом на поливку носила по сорок ведер воды за вечер — семья большая, и огород держали большой. Антонина тоже не собиралась учиться, не ставила она и цели выйти замуж за москвича. Кого полюбит, за того и выйдет, ну и чтобы он ее любил.

С Николаем Антонина познакомилась, не прилагая особых усилий: он работал электриком на той же стройке, что и она. Ей нравилось, что Николай простой, веселый и заботливый. Нравилось, что он старше ее и уже отслужил в армии. Он служил в военной авиации на тяжелых бомбардировщиках электромехаником и интересно рассказывал про Дальний Восток. Парни, отслужившие в армии, и в Красногородске, и в Москве считались наиболее надежными: после армии они относились к женитьбе всерьез. Конечно, за ней ухаживали и другие парни, но близости ни с кем из них Антонина пока не допускала — боялась заберемене-

нет. В общежитии и недели не проходило, чтобы не делали аборт. Дня три отлеживались, клялись, что «больше никогда, ни с кем», и снова «залетали». Напарница Антонины за три года работы на стройке уже сделала пятый аборт.

С Николаем Антонина ходила в кино, а на днях он сказал, что хотел бы познакомить ее с родителями. Родители Николая приехали в Москву перед войной; как и все, вначале жили в общежитии, потом в коммунальной квартире, а год назад получили отдельную двухкомнатную в новом блочном доме — одном из тех, которые впоследствии назовут «хрущобами». Николай родился уже в Москве.

Антонина гладила платье, поглядывала на Людмилу, которая лежала, задрав ноги на спинку кровати, мазала лицо раздавленными ягодами клубники и молчала — значит, у нее плохое настроение. Антонина попыталась ее разговорить:

— Что-то Катерина задерживается. А вдруг поступила?

— Держи карман шире, — ответила Людмила, и Антонина замолчала, опасаясь, что Людмила начнет кричать и швырять все, что попадет под руку. С ней такое бывало.

Общежитие находилось в новом микрорайоне Химки-Ховрино. Большое четырехэтажное здание тянулось вдоль улицы. Вначале в нем жили только девушки, и поэтому его прозвали «Кошкин дом». Теперь здесь были комнаты и семейные, и для молодых специалистов. Из раскрытых окон неслась музыка. Радиолы, электропроигрыватели транслировали на улицу модных в то лето Нину Дорду, Марка Бернеса, Ива Монтана. Из одного окна доносился легкий перебор гитары, и Булат Окуджава пел «Полночный троллейбус». Значит, появился катушечный магнитофон — у кого-то из молодых инженеров. Магнитофоны покупали или собирали из деталей только инженеры.

Катерина прошла мимо вахтерши. Раньше вахтерши не пускали парней в общежитие, сейчас, когда все перепуталось, они в основном сидели у телефона, чтобы вызвать милицию в случае драки или «скорую помощь», если дело дойдет до серьезных неприятностей.

Антонина слонялась по коридору, поглядывала в окна, ожидая Николая. Ей не хотелось, чтобы он заходил в комнату: у Людмилы дурное настроение и неизвестно, что она скажет. Антонина обрадовалась Катерине, бросилась к ней:

— Поступила?

И, не получив ответа, начала утешать:

— Ничего, позанимаешься еще, и на следующий год обязательно поступишь.

Она шла рядом, вздыхала, пыталась взять подругу за руку.

— Какие люди! И без охраны! — прокомментировала Людмила, когда они вошли в комнату.

— Сейчас не получилось, в следующий раз получится, — успокаивала Антонина.

— Кто же спорит? — немедленно прокомментировала Людмила. — В институты до скольких лет принимают? До тридцати пяти. У нее еще уйма попыток.

— Ты бы хоть клубнику с себя сняла! Николай же сейчас придет, мы с ним в концерт идем, — попыталась урезонить Людмилу Антонина.

— В концерт! — передразнила Людмила. — Тетеха! Три года в Москве живешь! «В концерт»! «На концерт» надо говорить.

— А почему же говорят «в кино», а не «на кино»? — удивилась Антонина.

Но Людмила ей ответить не успела: в дверь постучали.

— Войдите! — пропела Людмила.

В комнату вошел невысокий, коренастый парень лет двадцати пяти.

— Здравствуйте, — сказал он. Увидел обнаженные почти до трусиков ноги Людмилы, ее красное лицо и, не очень понимая, что все это значит, попятился к двери.

— Куда же вы? — засмеялась Людмила, поднимаясь.

— Я подожду там... в коридоре, — и Николай захлопнул дверь.

— Ну что ты его пугаешь! — возмутилась Антонина. — Он не такой, как твои знакомые. Он скромный.

— Да уж, — согласилась, вставая, Людмила. — Интеллектом явно не изуродован. И стоило тебе в Москву ехать! Такого ты и в соседней деревне могла бы найти.

Антонина хотела что-то ответить, но махнула рукой и выскочила в коридор.

— Ну что ты к ней цепляешься? — укорила ее Катерина. — Может быть, это ее счастье.

— Да ну, — отмахнулась Людмила, — не знаешь ты, что такое настоящее счастье.

— А ты знаешь?

— Я знаю, — заявила Людмила.

— Может, расскажешь? — предложила Катерина.

— Я тебе покажу, — пообещала Людмила.

Николай и Антонина спустились по лестнице и оказались возле вахтерши как раз в тот момент, когда зазвонил телефон.

— Общежитие слушает, — сказала в трубку вахтерша. — Какую Людмилу? Здесь Людмил много...

Антонина все поняла и бросилась вверх по лестнице. Через несколько секунд, теряя на ходу тапочки, бежала к телефону Людмила. Она вдохнула и выдохнула несколько раз, чтобы говорить не запыхавшись, взяла трубку.

— Я слушаю. Кто? Вадик! Какое общежитие? Это моя бабушка так шутит. К нам сейчас гости приехали из Новосибирска, так она нашу квартиру общежитием стала называть. Не говори! Все в Москву лезут, будто она резиновая... Нет, сегодня не могу, сегодня у папы день рождения. Завтра? Может быть. Хорошо, я тебе тогда сама позвоню, а то я весь день в институте буду. Чао!

Людмила повесила трубку и набросилась на вахтершу:

— Что, обязательно надо говорить, что это общежитие?

— Мне так комендант приказал, — оправдывалась вахтерша.

— А почему просто не ответить «алло»? — наседала Людмила.

Вахтерша не нашлась что ответить и сама перешла в наступление:

— Тогда дежурь у телефона, когда тебе звонят, — я старая, не могу бегать по этажам. И вообще, в общежитие нельзя звонить по личным вопросам.

— А по каким можно? — спросила Людмила.

— По делу.

— А мне только по делу и звонят, — заявила Людмила. — Сегодня, может быть, решалось важное дело. А вы его могли разрушить одной неосторожной фразой, и я на всю жизнь могла остаться несчастной. Вы этого хотите, чтобы я была несчастной?

— Я хочу, чтобы вы все были счастливыми, — примирительно ответила вахтерша.

Людмила укоризненно покачала головой, грустно улыбнулась и начала подниматься по лестнице. Снова позвонил телефон. Людмила остановилась. Вахтерша сняла трубку и сказала:

— Алло! — и, зажав трубку ладонью, попросила Людмилу: — Позови Варенцову из двадцать третьей.

Людмила вернулась в комнату. Катерина сидела за столом и плакала.

- Поедем в Москву? — предложила Людмила.
- А мы разве не в Москве? — не поняла Катерина.
- Мы на выселках. Поехали в центр. Целый вечер впереди. Чего здесь киснуть?

Катерина подумала и согласилась.

Девушки вышли из метро на площади Революции и пошли вверх по улице Горького. В те годы выходили на улицы просто погулять: этот обычай принесли с собой жители маленьких городков и поселков. Москва интенсивно заполнялась провинциалами уже несколько десятилетий. Вначале приезжали на строительство заводов, метрополитена. После войны приток был небольшим, но, когда колхозникам стали выдавать паспорта, Москва стала быстро расти. И с окраины вечерами и в праздники бывшие жители маленьких городков и деревень съезжались в центр, чтобы пройтись по главной улице, на людей посмотреть и себя показать.

По тротуарам двигалась довольно плотная толпа, кто-то оставался у витрин. Магазины уже закрылись. Все магазины в Москве открывались и закрывались одновременно. Где-то издавалось распоряжение, и миллионы принимали его как должное: если так, значит так и надо.

Возле входа в кафе «Молодежное» толпилось около сотни жаждущих. Кафе открылось недавно. В нем подавали мороженое, пирожные, и говорили, что можно даже заказать коктейль. О коктейлях знали только из зарубежных фильмов и книг. Попробовать, что это такое, хотели многие, поэтому попасть в кафе было трудно.

— Бесполезно, — оценила ситуацию Людмила. И они пошли дальше.

В витрине магазина стояли две модели телевизоров — «Рекорд» и «Чайка». Они практически ничем не отличались друг от друга, но по ним транслировались разные программы. По одной передавали футбольный матч, по другой пел хор имени Пятницкого. Звук через толстое витринное стекло не доходил, но мужчины, толпившиеся у витрины, и без звука все понимали, комментировали удачи и просчеты игроков.

— Послушай, — сказала вдруг Людмила, — пять лет над учебниками горбатиться — и что? Все равно рабочие больше инженеров получают.

— Инженером интереснее, — возразила Катерина.

— Тоже мне интерес, — не согласилась Людмила, — снизу работяги жмут, сверху начальство давит. Да и химия — наука скучная, одни формулы.

— Химия — будущее человечества, — заявила Катерина. Так считал академик Тихомиров.

— Ты не о будущем человечества, а о своем настоящем думай, — посоветовала Людмила.

За ними пристроились двое парней. Обычно девушки ходили по двое, парни тоже предпочитали ходить вдвоем, в случае драки легче биться, да и знакомиться удобнее. Один начинает, другой подхватывает.

— Эй, девчонки! — бодро начал один из парней.

— Топай, топай! — осекла его Людмила.

Парни, вероятно, такого ответа не ожидали и притормозили.

— Ты чего так строго? — спросила Катерина. — Ребята вроде ничего.

— Вот именно, ничего, — ответила Людмила. — Лимитчики, вроде нас. За версту видно.

— А по нам видно разве? — удивилась Катерина.

— Не видно, пока рот не раскроем. Но это только для очень проницательных, а таких немного, — успокоила ее Людмила.

Они дошли до памятника Маяковскому. Вокруг памятника собралась толпа. Молодые поэты читали стихи. Вероятно, в первый раз, когда возле памятника стали читать стихи, толпу не успели разогнать, не было на этот случай указаний, и теперь поэты читали каждую субботу и воскресенье.

Людмила и Катерина постояли в толпе. Было плохо слышно и не очень понятно. Катерина стала рассматривать хорошо одетых молодых парней: в серых костюмах, серых галстуках и до блеска начищенных ботинках. Аккуратно подстриженные, хорошо выбритые. Ей нравились такие, которые следят за собой и своей одеждой.

— Чего ты на них пялишься? — прошептала Людмила.

— Симпатичные, — шепотом ответила Катерина.

— Дура! Какая ты дура! — вздохнула Людмила. — Это же комитетчики, они здесь на работе.

— А что такое «комитетчики»?

— Чекисты.

Один из парней придвинулся ближе, — видимо, хотел раслышать, о чем они шептались. Людмила вытащила Катерину из толпы и пошла вниз мимо театра «Современник» по Садовому кольцу.

— Пойдем в Дом кино, — предложила она. — Там сегодня французский фильм, может, кто проведет.

— А зачем проводить? — опять удивилась Катерина. — Билеты купим.

— Там кино без билетов смотрят, — объяснила Людмила.

Катерина не очень поняла, как можно ходить в кино, не покупая билета, но переспрашивать не стала. Она хотела понять про чекистов.

— Ты с ними знакома? — спросила Катерина.

— С кем?

— С чекистами.

— С ними знакомиться не надо, и так видно.

— А как? — все не могла понять Катерина.

— По взгляду. У них глаз крутится. Лицо неподвижно, а глаз туда-сюда. А костюмы ты их видела?

— Ну, видела.

— Им их в одном ателье шьют. И не модные, и не старомодные, а где-то посередине, чтоб в глаза не бросались.

— Но ты же заметила.

— Мне один знакомый объяснил. И ботинки у них до блеска начищены. Военная привычка. Они еще когда в училище учатся, их приучают следить за обувью. Потом они привыкают и не могут ходить в пыльных ботинках.

— Культурные люди — ботинки чистят, стихи любят.

— Ты в самом деле дура или притворяешься? — не выдержала Людмила.

Катерина не притворялась, она всегда хотела знать точно. Почему, как, зачем?

— Стихи они любят, — передразнила Людмила. — Мало ли что могут эти поэты сказать! А вдруг что-нибудь антисоветское?

— А я еще ни разу не слышала ничего антисоветского, — призналась Катерина.

— Еще услышишь. Какие твои годы!

Они дошли до улицы Воровского, там, в бывшем доме политкаторжан, разместился Дом кино, где собирались московские кинематографисты. Подкатывали «победы», «москвичи», несколько

ких полных немолодых мужчин с очень молодыми женщинами привезли на ЗИМах. Они вышли, и машины тут же отъехали.

Казалось, здесь все знали друг друга. Здоровались, целовались. Людмила пыталась договориться с несколькими одиночками мужчинами, но те улыбались, разводили руками, извиняясь. Они ждали своих женщин или приятелей.

Катерина стояла в толпе и смотрела на актеров, знакомых по фильмам. Она узнала Ланового. Высокий, красивый, он поднимался по лестнице, чуть откинув голову, надменный и отрешенный. Катерина представила его на улицах Красногорода, такого медлительно-значительного, с откинутой головой, и рассмеялась. Так ходил местный красногородский сумасшедший Ванечка.

— Ты чего? — спросила Людмила. Ей так и не удалось никого уговорить, чтобы их провели, и она присоединилась к Катерине.

— Ой, Румянцева! — Катерина показала на Надежду Румянцеву.

Людмила осмотрела улыбающуюся актрису.

— Лет через пять будет похожа на Зинку — знаешь, которая в Красногороде на рынке пирожками торгует.

У Людмилы был приметливый и недобрый взгляд. Конечно, Румянцева напоминала Зинку, но та была толстая и глупая. Появились Ларионова и Рыбников. Ларионова была красива настоящей российской красотой: круглолицая, румяная, с ясными синими глазами. Рыбников оказался простоватым парнем, похожим на тех, которых он играл в недавно выпущенных фильмах «Весна на Заречной улице» и «Высота». Песни, которые он пел в фильмах, пели теперь парни в их общежитии.

— Эти недолго проживут вместе, — прокомментировала Людмила.

— Почему? — удивилась Катерина.

— Уведут ее у него, — Людмила была категорична. — Таких красивых всегда уводят.

И никто тогда не знал, что проживут они вместе еще тридцать лет и Ларионова похоронит Рыбникова и останется вдовой.

Рыбников, проходя мимо них, подошел к высокому, не очень молодому, явно за тридцать, мужчине:

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Жду, — раздраженно ответил мужчина, — Ленку. У нее пропуск.

— Сейчас я выпишу тебе пропуск, — пообещал Рыбников.

— А вы тоже артист? — спросила Катерина, когда Рыбников отошел.

— Начинаящий, — усмехнулся мужчина.

— Поздно вато начинаете, — заметила Людмила.

— А как ваша фамилия? — поинтересовалась Катерина.

— Не важно. Я только в одном фильме снялся. Вы этот фильм не видели.

— Скажите! — попросила Людмила. — А вдруг мы его увидим.

— Ну, Смоктуновский, — ответил мужчина.

Эту фамилию девушки не слышали. Но Катерина ее запомнила. Потом этот актер будет много сниматься, а в театр зрители будут приходить «на Смоктуновского». Через двадцать лет Катерина на заседании в Моссовете напомнит ему об их первой встрече на лестнице Дома кино, он улыбнется:

— Как же, как же. Помню.

И перейдет к интересующей его проблеме. Актеры хотели построить кооперативный дом на берегу канала недалеко от Икши. Это место в свое время выбрали летчики-испытатели для дачного поселка. Они облетели на самолетах все Подмосковье и остановились на Икше. Позже здесь построили себе дачи первые космонавты. Они начинали как летчики-испытатели, приезжали сюда к своим знакомым и, как только появилась возможность самим построить дачи, выбрали места рядом с поселком. Говорили, что в тех лесах был какой-то особенный микроклимат. Комиссия Моссовета, в которой заседала Катерина, решила вопрос положительно для актеров — те получили участок и начали строить дом. Смоктуновский, уходя, улыбнулся и повторил:

— Как же, помню, помню.

На следующей встрече он ее не узнал. Она не обиделась. Человеческая память не могла вместить тысячи лиц, которые видел каждый день актер. Но до этой их встречи оставалось более двадцати лет.

Людмила сделала еще несколько попыток попасть в Дом кино, ей не удалось, и они двинулись в обратный путь. И тут они услышали, как через громкоговоритель объявили:

— Машину боливийского посла — к подъезду.

Они свернули на улицу Герцена. Мягко подкатил приземистый, почти распластанный по земле «форд». Из подъезда

посольства вышел темноволосый господин с дородной женщиной в блестящем платье. И снова громкоговоритель потребовал:

— Машину военно-морского атташе, командора...

Далее следовала непонятная, довольно длинная фамилия.

— Как, как его фамилия? — не поняла Катерина.

— Фамилия не имеет значения, — отмахнулась Людмила.

Она наслаждалась блеском никеля на машинах, сиянием драгоценностей на женщинах, сверканием орденов на мундирах.

— Вот это — настоящее, — восхитилась Людмила.

— Что настоящее? — не поняла Катерина.

— Все это!

— Ну да, — возразила Катерина. — Я недавно в оперетту ходила. Там точно такие же мундиры и платья показывали.

— Ну и дура же ты! — хмыкнула Людмила. — Именно это и есть жизнь. Настоящая жизнь. Для этой жизни мы в Москву и приехали, потому что Москва сегодня — большая лотерея. Можно выиграть сразу и по-крупному. Москва — это... это дипломаты, внештатковцы, ученые, художники, артисты, писатели — и все это мужчины.

— Ну и что?

— А мы — женщины!

— А мы-то зачем нужны этим писателям, дипломатам, артистам? — удивилась Катерина. — У них свои женщины есть.

— А мы не хуже ихних.

— А где мы дипломатов и артистов встретим? — трезво рассудила Катерина. — Они на хлебозаводе и галантерейной фабрике не работают.

— Да, — подтвердила Людмила. — Ты смотришь в самый корень. Главный вопрос: где найти? А везде! Приходится быть щукой с раскрытой пастью. Чтобы твой карась не проплыл мимо тебя. Надо быть всегда наготове, чтобы схватить его. Ты почитай книги. Во всем мире в столицы приезжают молодые, чтобы завоевать их. Мужики идут одним путем, мы другим.

— А мы каким? — спросила Катерина.

— У нас один путь. Через мужиков. Мы им нужны. Так прихода устроила. Я тебе столько раз твердила: не вяжись с лимитой. Замуж надо выходить за москвичей. Ух, как я их ненавижу!

— Кого? — не поняла Катерина.

— Москвичей! Но они выбирают. Они — как дворяне, которые захотят или не захотят жениться на нас, барышнях-крестьянках. Им такое право дало это сволочное государство. Оно им дало прописку. Они рождаются сразу с пропиской. Это их главная привилегия. И даже если они живут в коммуналках, у них есть своя площадь. Они могут переходить с работы на работу, их никто не выкинет из общежития, как нас. Они могут даже временно не работать. Переждать, выбрать. Деньги? У них есть родители, которые всегда помогут. Они не работают на этих черных, грязных, тяжелых работах, как лимита. Сидят в теплых конторах, торгуют в магазинах и презирают нас. За что? За то, что мы работаем на них. За то, что мы бесправные рабы! У нас нет выхода из рабства, кроме как замуж. Мы должны выходить за этих колченогих, дурых идиотов!

— Нет уж, — подумав, решила Катерина, — это не для меня. Лучше обратю в Красногородск.

— Фигушки! — выкрикнула вдруг Людмила. На них стали оборачиваться, и она заговорила чуть тише, но все так же темпераментно. — Нет уж, я выйду замуж за колченогого, за идиота, за старого пердуна. Я пропишусь. Если надо, я потерплю. А потом разойдусь и разменяю квартиру. Пусть даже в коммуналку, но чтобы постоянная прописка. Потом можно поднакопить денег и обменяться на отдельную, приплатив конечно. Вся Москва против нас, а мы против нее. Кто кого! Мы все равно победим.

— Почему? — спросила Катерина.

— А потому, что нам отступить некуда.

— Ты как героини-панфиловцы, — рассмеялась Катерина. — Велика Россия, а отступить некуда.

— А я и не отступлю, — подтвердила Людмила. — Сучья Москва еще будет меня уважать. У меня будет все, что имеют московские выродки.

Они шли по Москве. В квартирах уже зажигались огни. Окна были открыты, дома за день нагрелись в июльскую жару. В квартирах двигались мужчины в майках, за одним из окон женщина лежала на диване и читала книгу. Светились экраны телевизоров. Нет, размышляла Катерина, успокаивая себя, совсем не обязательно выходить замуж за старика. Она закончит институт, ее распределят на работу, как молодому специалисту ей вначале, конечно, выделяют комнату в общежитии. Дальнейшую свою жизнь она представить пока не могла.

ГЛАВА 2

Общежитие просыпалось рано.

Блондинки, брюнетки, худенькие, полные выбегали из подъезда общежития, поеживаясь от утренней свежести, бежали к автобусной остановке. У остановки на лавочке в этот утренний час всегда сидел пожилой мужчина, а невдалеке от него гулял старый толстый фокстерьер. К мужчине привыкли, с ним здоровались, хотя никто не знал, кто он и где живет. Он отвечал на все приветствия, а тех, кто уже долго жил в общежитии, называл по именам.

Катерина поздоровалась с ним, мужчина приподнял кепку. Никто не задумывался, почему он здесь сидит каждое утро. Он выгуливал собаку, но выгуливать ведь можно и в других, более удобных местах. Катерине он казался стариком.

...Через двадцать лет, когда она уже стала директором комбината химволокна, она как-то утром проезжала мимо своего бывшего общежития, увидела стайку девушек на остановке и попросила шофера остановиться. Ничего не изменилось. Только общежитие перекрасили в зеленый цвет. А невдалеке от остановки сидел все тот же старик. Он почти не изменился, только поседел и подсох. И фокстерьер был таким же толстым и старым. Но ведь прошло двадцать лет, подсчитала она. Значит, старику тогда было не так уж и много лет, та собака, конечно, умерла, это — другая собака, а может быть, уже третья, собачий век короток. И девушки из общежития другие...

Что влекло сюда старика? И она вдруг поняла: старик получал удовольствие, рассматривая юных женщин. Такого не увидишь больше нигде: одновременно так много молодых женщин.

Один знакомый Катерины говорил: «Я люблю всех молодых женщин. Я бы и эту, и эту, и ту. Я хотел бы переспать со всеми. У этой такая замечательная грудь, у этой замечательная подпрыгивающая попка». Катерине это казалось непонятным. Попка и есть попка. У мужчин она замечала небритость, мятые лацканы пиджаков, стоптанные каблуки ботинок, тусклые, засаленные галстуки. Она уже не обращала внимания ни на лицо, ни на фигуру, если видела плохо сшитый костюм, несвежую рубашку. В толпе она могла выделить только одного, и то если он сам отличал ее взглядом, если показывал свою заинтересованность. Ее подружки по общежитию мечтали познакомиться с высоким и красивым.

СОДЕРЖАНИЕ

Москва слезам не верит	5
Женщин обижать не рекомендуется	381
Меценат	581
Собственное мнение	635
Выйти замуж за капитана	699
Храбрый портной	753
Незаконченные воспоминания о детстве шофера междугородного автобуса	813